

КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Формы проявления агрессии и насилия весьма разнообразны, они существовали и существуют повсеместно, во все исторические эпохи и на всех уровнях социума. Однако, несмотря на распространенность этих явлений, и до сегодняшнего дня исследователям не удалось окончательно ответить на вопрос, что лежит в основе каждого из них. В статье философски анализируются категории «агрессия» и «насилие», приводятся методологические уточнения каждого понятия, предлагаются авторские варианты определений этих феноменов человеческого бытия. Кроме того, здесь на социально-философской основе подвергается разбору существенная связь данных категорий с возникновением такой распространенной формы взаимодействия индивидов, как конфликт, который сыграл значительную роль в осуществлении общего процесса развития общества.

Ключевые слова: агрессия, насилие, социальное действие, социальное взаимодействие, конфликт.

Каждый индивид (а также группа, сообщество) в течение всего своего существования в этом мире совершает ряд действий, с помощью которых он реализует свои интересы, удовлетворяет различного рода потребности – биологические, социальные, идеальные. «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей», – отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс [16, с. 245]. Множество мотивов этих действий, по сути, можно свести к достижению единой глобальной цели – цели поддержания разнообразными способами собственной жизнедеятельности, продлению предела своего успешного функционирования в природе и обществе. Как отмечал еще И. Кант, «первое... назначение человека состоит в стремлении к сохранению [себя и] рода своего как животного [т. е. биологически живого] рода» [11, с. 579]. В этом своем стремлении человек постоянно соприкасается со множеством действий, исходящих от других индивидов, преследующих собственные, но, по сути, подобные цели. Так непрерывно, на протяжении всего существования человечества происходит процесс социального взаимодействия. Часть этих социальных действий носит агрессивный характер как один из способов добиться реализации своих целей в межиндивидуальной и групповой социальной конкуренции, как «инструмент», метод, усилие, с помощью которого становится возможным, несмотря ни на какое внешнее сопротивление, создать условия для удовлетворения исключительно собственных потребностей, для достижения своих интересов.

Несмотря на огромную распространенность данного явления в жизни человека, отчего, как метко заметил К. Лоренц, об агрессии говорят по всевозможным поводам, связывая ее «с самыми разнообразными явлениями... начиная от драки петухов... и заканчивая... войной и атомной бомбой» [13, с. 37], окончательное понимание ее сущности во многом еще не достигнуто. Оно затрудняется отсутствием в первую очередь единого взгляда на конкретный смысл того, что следует понимать под термином «агрессия». Так, часть исследователей (например, А. Басс) агрессией называет «любое поведение [т. е. совокупность действий], содержащее угрозу [ущерба] или наносящее ущерб» [2, с. 25]. Другие сосредотачивают внимание на ее внутренней, скрытой от прямого наблюдения мотивационной составляющей (в частности, Л. Берковиц под агрессией понимает «любую форму поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб» [1, с. 24]). Третьи включают еще и нормативный критерий понимания сущности агрессивных действий, смысл которого заключается в том, что любая их форма, так или иначе, должна быть неразрывно связана с нарушением субъектом неких установок, правил, принятых в его сообществе в целом или в той социальной группе, к которой он себя относит. Например, по мнению Р. Де Риддера, действия человека можно называть истинно агрессивными только при двух условиях: «...во-первых, когда имеют место губительные для жертвы последствия; а во-вторых, когда нарушены нормы поведения» [20, с. 84].

Однако, по нашему мнению, агрессией в жизни человека следует называть исключительно тип мотивированного (мотив может быть сокрытым от сиюминутного понимания или явным, но он, в любом случае, наличествует), непосредственно направленного социального действия (с применением и (или) без применения физической силы). Одним из неперенных атрибутов его последствий в реальности выступает возникновение угрозы причинения и (или) самого причинения субъектом подобного действия (отдельным индивидом или его объединениями различного масштаба, вплоть до уровня целых сообществ) объекту этого действия (любым живым существам или их неживым «заменителям») любого вида физического и (или) морального вреда (ущерба).

В данном случае следует внести одно важное пояснение. Несмотря на наличие тех или иных элементов агрессивного поведения у многих, если не всех, живых существ, человек осознает свои действия, сравнивает и оценивает их, тем самым вкладывая в них субъективный смысл. Известно, что социальное действие человека – это такое действие, которое «соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [3, с. 603]; оно «всегда особенно, конкретно, индивидуализировано и уникально» [7, с. 133].

Иными словами, действия людей не только биологически, но и социально мотивированы. С их помощью реализуются важные и в каждом конкретном случае субъективные цели. Однако, с нашей точки зрения, смысл агрессии – не в нанесении вреда, это лишь возможный результат, следствие – в удовлетворении как раз различного рода потребностей, достижении интересов. Этот процесс у человека как члена социума происходит только в процессе взаимодействия с себе подобными, в их взаимовлиянии на сознание друг друга. «Общество не состоит из индивидуумов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды относятся друг к другу», – замечал К. Маркс [15, с. 214].

Таким образом, в поведении человека можно выделить два уровня агрессивных действий: инстинктивно-врожденный и социально обусловленный. Последний, хотя в своих общих механизмах и опирается на предыдущую форму, основывается на биологических инстинктах, однако прежде всего формируется под влияни-

ем общественных условий (моральных норм, законов, установок и т. п.), определяется различного рода социальными образованиями и носит характер социальных объектно-субъектных отношений. При этом субъектами и объектами агрессии могут выступать не только отдельные конкретные индивиды во всей уникальности, неповторимости своего исторического существования, но и их социальные совокупности, сообщества различного масштаба, объединенные общей сознательной практической деятельностью и интеллектуальными установками, что позволяет им функционировать как единый слаженный организм.

А что же представляет собой насилие? Как выразился Р. Мэй, «агрессия и насилие справедливо связаны в общественном сознании – обычно говорят об агрессии и насилии...» [18, с. 220]. Другими словами, очень часто исследователи называют этим термином ту же самую агрессию, действие на объект прямой физической силы, вызывающей внешний легко наблюдаемый ущерб (например, Л. Берковиц [1, с. 32], Ж. Семлен [22, с. 82] и ряд других).

Действительно, каждый насильственный акт в первую очередь является прямым следствием, как бы «продолжением» агрессивных действий. Именно поэтому насилие и обладает рядом свойств, присущих агрессии, например также носит характер социального действия, на практике может быть облачено в прямую или косвенную форму выражения, всегда имеет некий мотив, т. е. определенный субъективный смысл, ради чего оно совершается, направленность, ведет к причинению того или иного вида ущерба и т. д. Вот почему понятия «агрессия» и «насилие» отождествляются.

Однако, несмотря на наличие столь очевидной и тесной взаимосвязи с агрессией, насилие имеет и собственные ярко выраженные характеристики, особенности, одной из которых, и, на наш взгляд, крайне важной, является заключенный в нем субъективно-отрицательный смысл. Иными словами, уже не последствия действий как таковых, а они сами должны расцениваться в данной общности людей как нежелательные, незаконные, неприемлемые, не соответствующие определенным принятым там нормам.

При этом характеристика внешней оценки, в отличие от самой агрессии, здесь как раз играет решающую роль: наличие или отсутствие

элемента насилия в агрессии всегда относительно, зависит от степени оценивания как объектом агрессии, так и (или) «третьей» стороной, но всегда в рамках нормативно-ценностной системы сообщества, в котором осуществляется. Поэтому наличие насилия в жизни людей всегда относительно, зависимо от конкретных ценностных установок того или иного сообщества, от сложившейся социальной ситуации, от исторических обстоятельств. По словам Н. Михайловского, «убийство и людоедство легко могут оказаться деяниями не только безразличными, а и одобрительными; и в то же время может считаться безнравственным, богопротивным и преступным произносить свое собственное имя... или есть в обществе» [17, с. 439], что с точки зрения современной европейской морали может показаться, мягко говоря, странным.

Таким образом, насилие – это явление исключительно социальное и в общественно-исторической практике является одним из возможных атрибутов агрессивной формы взаимодействия индивидов в обществе. Ее возникновение обусловлено присущим всем людям стремлением преодолеть препятствие в виде себе подобных к достижению единственной действительно важной цели – выжить и успешно существовать в окружающем мире, а в реальности она выражается в возникающих вследствие реализации этого стремления столкновениях сторон. Такие столкновения могут иметь прямую форму проявления в виде агрессивных действий нападения и защиты (физических и моральных, в том числе вербальных) при практическом взаимодействии сторон. Также они могут выражаться в косвенном давлении, при целенаправленном навязывании одними социальными группами или отдельными индивидами собственных ценностных установок, точек зрения другим группам или индивидам и осознанном неприятии и сопротивлении этому навязыванию последними. Однако, в любом случае, эти столкновения всегда присутствуют (в реальной или потенциальной формах) там, где затруднен процесс достижения субъектом некоей цели, при этом каждая из вовлеченных сторон «имеет одинаковое основание считать свою позицию морально достойной, а позицию противной стороны морально абсолютно неприемлемой» [5, с. 23-24].

Иными словами, во всех подобных случаях человек имеет дело с такой формой социального взаимодействия, как конфликт, который все-

гда строится на этих столкновениях. В их основании лежит осознанное несоответствие интересов, ценностей субъектов во взаимном стремлении к наиболее полному удовлетворению разнообразных потребностей, достижению тех или иных целей. «Общественный конфликт... обнаруживается тогда, когда разные индивиды или общественные группы, связанные между собой борьбой по одному и тому же делу, в одном и том же месте и времени, проявляют и обостряют противоположность своих позиций, стремлений и поведения», – отмечает польский исследователь Я. Павлица [14, с. 98].

Следует отметить, что в отличие от других возможных форм социального взаимодействия конфликтующими сторонами всегда применяются агрессивные действия (которые с точки зрения данной нормативно-ценностной системы могут быть расценены и как неприемлемые, насильственные), в результате чего, в любом случае, происходит нанесение ущерба, если не прямого, материального, физического, то косвенного, морального, проявляющего себя через внутренние переживания, а также блокирование нормального функционирования противника. Непременное наличие этого ущерба обосновывается тем, что окончательного победителя в данном случае (т. е. тех, кто полностью достиг желаемой цели, удовлетворив все свои интересы и потребности) быть не может.

Таким образом, мы считаем, что одной из важнейших особенностей социального конфликта выступает то, что он, в любом случае, бесконечен, его невозможно окончательно устранить, а можно лишь отложить на время, т. к. те или иные общественные противоречия, порождающие его, в различных сочетаниях будут возникать вновь и вновь, тем самым потенциально открывая путь и к возникновению очередных форм агрессии и насилия в обществе. Жизнь «есть борьба в абсолютном смысле... Абсолютный же мир... остается божественной тайной», – эта фраза Г. Зиммеля [9, с. 514] как бы еще раз подтверждает наше мнение.

Возникающие в процессе развертывания конфликтов насильственные по своей оценочной сути агрессивные действия способны затрагивать самые глубинные основания общественного устройства. Если применяется насилие, то тем самым создается прецедент нарушения традиционно устоявшихся, гипотетически

наиболее благоприятных, «полезных» порядков, что в перспективе может привести к разрушению и гибели сначала данного сообщества, а затем и всего социума в целом.

Иными словами, применяя насилие, человек подвергает опасности нанесения ущерба (морального и физического) не столько конкретного индивида как такового (хотя и сей факт отрицать никак нельзя), сколько все человечество, т. к., разрушая составные элементы, он нарушает его внутреннюю стабильность и тем самым делает первый шаг к полному разрушению всей внутренней структуры, особенно если подобные действия будут и в дальнейшем повторяться. В результате, по сути, человек всегда использует насилие против всего общества и самого себя как его составной части, «убийство... совпадает со своего рода коллективным самоубийством», как выражался А. Камю [10, с. 168], что, конечно же, не может не вызывать осуждение и порицание, а иной раз даже и наказание как ответную «защитную реакцию» со стороны самого общества против дальнейшего применения подобных действий.

В итоге получается замкнутый круг – общество «требует» от всех своих членов действовать и удовлетворять потребности, чтобы существовать им и, соответственно, ему самому; тем самым создаются условия для возникновения противоречий между людьми, конфликта, агрессивных столкновений и насилия, которое угрожает нарушить внутреннее равновесие, разрушить саму структуру социума, а потому запрещается, искореняется, чтобы затем вновь возникнуть...

Таким образом, конфликты всегда создавали и продолжают создавать угрозу человечеству, удовлетворению его основных потребностей, включая самую главную – потребность в самосохранении, уничтожая те или иные элементы различных социальных систем, разрушая нормальные отношения между субъектами взаимодействия, нарушая общую стабильность общества и, самое главное, являясь постоянно действующим источником насилия, которое безальтернативно и всегда порождает ответное насилие: «каждый хочет произнести последнее слово насилия, и одна кара ведет к другой» [8, с. 36]. Тем самым порождается нескончаемая цепная насильственная реакция, ведь «думать, что зло можно уничтожить зло, все равно что

полагать, будто один пожар можно погасить, разжигая рядом второй» [5, с. 24].

Однако говорить только о субъективно-негативном понимании конфликта совершенно безосновательно. Дело в том, что процессы общественного развития неизменно, на протяжении многих периодов истории сопровождались различного рода противоборствами, которые возникали как на уровне отдельных индивидов, так и целых социальных групп и общностей, что в перспективе приводило к ряду изменений внутри самого общества, изменениям его характеристик, параметров, установлению новой системы отношений либо совершенствованию старой. Трудно не согласиться с мнением В. Парето о том, что «если кто-нибудь станет убеждать, что изменение всегда приносит вред и что стабильность – это высшее благо, то ему придется доказать, что либо человеческому обществу было бы полезнее оставаться в состоянии варварства, либо переход от варварства к нынешнему цивилизованному состоянию произошел (или же смог бы произойти) без войн и революций» [19, с. 355].

Следовательно, конфликтное взаимодействие всегда играло решающую роль в содействии поступательному движению и развитию всего общественно-исторического процесса в целом, тем самым превращаясь в один из факторов прогресса человечества. «Скрытый смысл... эволюции [развития], – писал Г. Зиммель, – заключается в том, что жизненная стихия... ведет постоянную борьбу с продуктами собственной деятельности, ...противящимися ее напору. ...Весь этот процесс представляется нашему сознанию как процесс зримого вытеснения старых форм новыми» [9, с. 495].

Все вышесказанное позволяет вполне определенно утверждать, что в конфликтах всегда заключен двойной конструктивно-деструктивный смысл. С одной стороны, они могут расцениваться людьми как созидательный фактор на уровне «абстрактного» общественного развития, как источник многих впоследствии осознанных позитивных изменений в жизни всего человечества (например, форм социальных отношений, некоторых норм поведения и т. п.), но, с другой, всегда остаются предтечей такого субъективно отрицательного явления бытия, как насилие, которое никогда и никоим образом не может быть по-настоящему оправдано в

принципе, т. к. оно есть, по сути, отрицательно оцениваемая агрессия или другое действие, приводящее исключительно к ущербу, и «стремится к уничтожению как разрешению проблем даже в том случае, когда стоит на службе у добра» [4, с. 156].

Итак, именно сами социальные конфликты, а не содержащееся в них насилие как таковое, являясь одновременно способом его «выплескивания» в наш мир, служат и источниками всего мирового прогресса, «определяют внутреннее движение системы...» [21, с. 10]. Насилие же по своей природе есть явление сугубо аксиологически отрицательное, оно может называться «благом», но будет всегда оставаться «благом с неискоренимым оттенком отрицательного», т. к., по словам Дж. Локка, «основным законом природы является сохранение человечества, ... [и] никакая человеческая санкция не может быть благодетельной или обоснованной, если она тому противоречит» [12, с. 341].

Подводя итог, следует констатировать, что агрессия и насилие могут возникать в общественно-исторической практике исключительно в процессе постоянно протекающего социального взаимодействия людей, но легко обнаруживают себя именно в конфликте, в его агрессивной-действенной составляющей. Конфликт следует рассматривать как одну из актуальнейших объективированно существующих форм человеческого взаимодействия на любом

из этапов его общественного развития, неразрывно связанную с проблемой существования как агрессии (его внутренняя составляющая), так и насилия (оценочное следствие данной внутренней составляющей, возникающее в процессе конфликта). При этом, какие бы конкретные причины ни вызывали конкретных столкновений противоборствующих сторон, у истоков подобного взаимодействия всегда лежат те или иные противоречия на почве достижения единственной важной для каждого человека цели – оказать содействие удовлетворению потребности в обеспечении его существования как природного индивида и как личности, существующей в рамках общественной структуры. Попытка их разрешения всегда и совершается через применение этими сторонами тех самых агрессивных действий, существование которых, в свою очередь, и придает данным отношениям конфликтный характер. При этом в ходе конфликта, на наш взгляд, и происходит непосредственный переход агрессии как ценностно нейтральной категории в разряд оценочной, которая выражается понятием «насилие». А «переменная насильственности» (термин Р. Дарендорфа) [6, с. 143] здесь подразумевает то, как этот конфликт будет разрешаться, т. е. проявлять себя в общественно-исторической практике, с помощью чего его участники будут пытаться достигнуть своих целей и помешают сделать то же самое своим соперникам.

16.09.2010

Список литературы:

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
2. Бэррон Р. Агрессия / Р. Бэррон, Д. Ричардсон. СПб.: Питер, 1997. 336 с.
3. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.
4. Гуттенбуль А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними / А. Гуттенбуль. СПб.: Академический проспект, 2000. 220 с.
5. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. 2004. №3. С. 19-27.
6. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. 1994. №5. С. 142-147.
7. Дьюи Дж. Реконструкция в философии / Дж. Дьюи. М.: Логос, 2001. 168 с.
8. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
9. Зиммель Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 1. Философия культуры / Г. Зиммель. М.: Юрист, 1996. С. 494-516.
10. Камю А. Бунтующий человек / А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. М.: Политиздат, 1990. С. 119-356.
11. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 349-588.
12. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Дж. Локк. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135-405.
13. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. М.: Прогресс, Универс, 1994. 272 с.
14. Маецкий З. Проблемы морального конфликта / З. Маецкий // Философские науки. 1973. №6. С. 96-101.
15. Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857-1858 года) / К. Маркс // Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 46. Ч. 2. М.: ГИПЛ, 1969. 620 с.
16. Маркс К. Немецкая идеология: в 2 т. Т. 1. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 3. М.: ГИПЛ, 1955. С. 9-454.
17. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? / Н.К. Михайловский // Энгельгардт М.А. Прогресс как эволюция жестокости: Сборник / М.А. Энгельгардт. Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. С. 353-537.

18. Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия / Р. Мэй. М.: Смысл, 2001. 319 с.
19. Парето В. Компендиум по общей социологии / В. Парето. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
20. Румянцева Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии / Т.Г. Румянцева // Вопросы психологии. 1991. №1. С. 81-87.
21. Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки / М.Н. Руткевич. СПб.: Алетея, 2001. 444 с.
22. Семлен Ж. Выход из насилия / Ж. Семлен // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: Сборник / под ред. Л.И. Василенко, В.Е. Ермолаевой. М.: Прогресс, 1990. С. 76-85.

Сведения об авторе: **Шагако Дмитрий Сергеевич**, аспирант кафедры философии естественно-гуманитарного факультета Воронежского государственного технического университета
394026, г. Воронеж, Московский проспект, д.14, к. 325 тел. (473) 2464222,
e-mail: dmitrii-shagako8@mail.ru

**UDC 11/13
Shagako D.S.**

Voronezh Technical State University, e-mail: dmitrii-shagako8@mail.ru

CONFLICT INTERACTION AS AN IMPORTANT SOURCE OF VIOLENCE ORIGIN IN SOCIETY

Forms of aggression and violence are very diverse, they have existed and exist everywhere, in all historical epochs and at all levels of society. However, despite the prevalence of these phenomena, and till this day researchers could not definitively answer the question that underlies each of them. The article analyzes the philosophical category of «aggression» and «violence», methodological specifications of each term are given, original definitions of these phenomena of human existence are offered here. Moreover, here on the social and philosophical basis the essential connection of these categories with the origin of such common form of interaction between individuals is exposed with the analysis, as a conflict that has played a significant role in the overall development of society.

Key words: aggression, violence, social action, social interaction, conflict.

References:

1. Berkovits L. Aggression: the reasons, the consequences and the control / L. Berkovits. SPb.: Prime-Euroznak, 2002. 512 p.
2. Beron R. Aggression / R. Beron, D. Richardson. SPb.: Piter, 1997. 336 p.
3. Weber M. The basic sociological concepts / M. Weber // Weber M. The Selected products / M. Weber. M.: Progress, 1990. P. 602-643.
4. Guggenbyul A. Terrible charm of violence. Preventive maintenance of children's aggression and cruelty and struggle against it / A. Guggenbyul. SPb.: The Academicheskyy prospect, 2000. 220 p.
5. Gusejnov A.A. Whether probably a moral substantiation of violence? / A.A. Gusejnov // Questions of philosophy. 2004. №3. P. 19-27.
6. Dahrendorf R. Elements of the theory of the social conflict / R. Dahrendorf // Sociological researches. 1994. №5. P. 142-147.
7. Dewey D. Reconstruction in philosophy / D. Dewey. M.: Logos, 2001. 168 p.
8. Zhirar R. Violence and sacred / R. Zhirar. M.: A Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 400 p.
9. Zimmel G. The conflict of modern culture / G. Zimmel // Zimmel G. The Selected works: in 2 v. V. 1. Philosophy of culture / G. Zimmel. M.: Jurist, 1996. P. 494-516.
10. Kamyu A. The revolting person / A. Kamyu // Kamyu A. The revolting person. The philosophy. The policy. The art / A. Kamyu. M.: Politizdat, 1990. P. 119-356.
11. Kant I. Anthropology from the pragmatically point of view / I. Kant // Compositions: in 6 v. V. 6. M.: Idea, 1966. P. 349-588.
12. Lock D. Two treatises about board / D. Lock // Lock D. Compositions: in 3 v. / D. Lock. M.: Idea, 1988. V. 3. P. 135-405.
13. Lorentz K. Aggression (so-called «harm») / K. Lorentz. M.: Progress, Univers, 1994. 272 p.
14. Maetsky Z. Problems of the moral conflict / Z. Maetsky // Philosophical sciences. 1973. №6. P. 96-101.
15. Marx K. Criticism of political economy (a draft sketch of 1857-1858) / K. Marx // Marx K. Compositions: in 50 v. / K. Marx, F. Engels. V. 46. P. 2. M.: GIPL, 1969. 620 p.
16. Marx K. German ideology: in 2 v. V. 1. / K. Marx, F. Engels // Marx K. Compositions: in 50 v. / K. Marx, F. Engels. V. 3. M.: GIPL, 1955. P. 9-454.
17. Mikhajlovsky N.K. What there is a progress? / N.K. Mikhajlovsky // Engelgardt M.A. Progress as evolution of cruelty: The collection / M.A. Engelgardt. Minsk: Belaruskaja Enciklapedia, 2006. P. 353-537.
18. May R. Power and innocence: in searches of sources of violence / R. May. M.: Smisl, 2001. 319 p.
19. Pareto V. Compendium on the general sociology / V. Pareto. M.: ID GU VSE, 2008. 511 p.
20. Rummyantseva T.G. Concept «aggression as a quality of the person» in modern foreign psychology / T.G. Rummyantseva // Questions of psychology. 1991. №1. P. 81-87.
21. Rutkevich M.N. Society as system. Sociological sketches / M.N. Rutkevich. SPb.: Aleteja, 2001. 444 p.
22. Semlen Z. Output from violence / Z. Semlen // Global problems and universal values: The collection / Ed. L.I. Vasilenko, V.E. Ermolaeva. M.: Progress, 1990. P. 6-85.